ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

ГРАФЪ ШУВАЛОВЪ

или

РУССКІЕ ГЕРОИ ВЪ БАЛКАНСКИХЪ ГОРАХЪ

ВЪ 1878 Г.

(Очеркъ)

МОСКВА 1878

Типографія В. И. Барбей, Мясницкая Георгіевскій переулокъ домъ Воейковой.

XII.A.8
8
Рус.-тур.
война.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

ГРАФЪ ШУВАЛОВЪ

ИЛИ

РУССКІЕ ГЕРОИ ВЪ БАЛКАНСКИХЪ ГОРАХЪ

ВЪ 1877 г.

(ОЧЕРКЪ.)

МОСКВА.
Изд. В. Я. Барбей, Масляницкая Георгіевскій пер. д. Воейковой.
1878.

Дозволено Цензурою Москва, Января 5 дня 1878 г.

Пр 35726-39

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

ГРАФЪ ШУВАЛОВЪ

или

РУССКІЕ ГЕРОИ ВЪ БАЛКАНСКИХЪ ГОРАХЪ

I.

Извѣстно, что выходъ нашей гвардіи на Софійское шоссе былъ сдѣланъ въ слѣдствіе того, чтобы завладѣть на немъ сильно укрѣпленными турецкими позиціями, отрѣзать сообщеніе Осману съ Орханіе, откуда онъ получалъ до сихъ поръ себѣ и продовольствіе, и снаряды и военную подмогу.

Движеніе это было сдѣлано 12-го октября подъ начальствомъ генерала Гурко, который быстро завладѣлъ турецкими позиціями у Горнаго-Дубняка, за тѣмъ у Телиша и Дольнаго-Дубняка.

Послѣ этаго генералъ Гурко, подступая съ одной стороны къ Плевнѣ и тѣмъ

(*) Изъ реляціи ген. Гурко. Сов. Ив. №. 82 Изъ рус. Инв. выписка котораго помѣщена въ Сов. изв. № 329 ст. 2

еще больше сжимая ее въ то кольцо, которое составила для него руско-румынская армія, онъ съ другой стороны направилъ двѣ колонны къ западу къ Этропольскому Балкану.

О движеніи этаго-то отряда я и хочу разсказать.

Наши войска, направленныя на западъ, дѣйствовали очень успѣшно А слѣдствіемъ этаго было то, что весь планъ турецкаго главнокомандующго разстроился и онъ вмѣсто того, чтобы идти впередъ на выручку Османа, самъ долженъ былъ только думать о своей оборонѣ, а не о наступленіи.

Сбитый у Правецкой позиціи передовой турецкій отрядъ не рискнулъ удерживаться въ Орханіи и ближайшихъ къ нему сѣверныхъ селеніяхъ, а отступилъ къ мѣстечку Врачешъ, гдѣ въ укрѣпленной позиціи разсчитывалъ преградить дальнѣйшее наступленіе нашей правой колонны по шоссе. Въ то время какъ наша правая колонна, укрѣпившись на Правецкой позиціи, наблюдала за Врачешемъ, лѣвая колонна, генерала Дандеви-

ля, двинулась въ обходъ Врачешской позиціи. Несмотря на страшныя трудности движенія по горамъ, безъ дорогъ, въ ненастное зимнее время, маневръ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: 16 ноября лѣвая колонна съ бою овладѣла Греотскою высотою, за тѣмъ она овладѣвъ сосѣднею высотою, занялась втаскиваніемъ орудій на высоту.

Очертивъ въ кратцѣ первоначальное движеніе западнаго отряда, я разскажу одинъ изъ характерныхъ его эпизодовъ, когда наши войска подъ общимъ начальствомъ графа Шувалова стояли на Софійскомъ шоссе противъ непріятельскихъ позицій, оберегающихъ Бабу-Конакъ.

II.

Нашъ лагерь резервовъ и бивакъ графа были расположены у подножія высотъ, нами занятыхъ.

Обстановка бивака въ узкомъ ущельи (*) и по среди дороги до крайности сурова и поражаетъ взоръ невзыскательностью къ условіямъ жизни хозяевъ бивака—графа Шувалова, его штаба и свиты. Простыя, солдатскія палатки разбиты прямо на снѣгу, рядомъ съ палатками солдатъ; горящій съ наружи на снѣгу костеръ служитъ кухней, а также и мѣстомъ для отогрѣванья ногъ и рукъ. Нѣс-

(*) Москов. Вѣд. № 322 ст. 3 Изъ письма Графа Шаховскаго.

колько охапокъ сѣна, брошенныхъ въ палатку на мерзлую землю, замѣняютъ коверъ на полу. Палатка графа Шувалова только тѣмъ отличается отъ остальныхъ солдатскихъ палатокъ, что она турецкая и потому круглая, тогда какъ у нашихъ солдатъ полотно натянуто въ видѣ треугольника. Снѣгъ лежитъ на палаткахъ. Вокругъ бивака видны лишь высокія горы, сплошь поросшія густымъ лѣсомъ; и горы и лѣсъ покрыты снѣгомъ. Куда не глянешь, кругомъ все бѣло, дико и давитъ суровостью; небо постоянно туманное. Солдаты круглый день грѣются у костровъ и бѣгаютъ по очереди въ горы за дровами, оглашая лѣсную чащу звенящеми звуками тесаковъ о древесные стволы; трескомъ и шумомъ отъ подрубленныхъ падающихъ деревьевъ. Иногда, высоко въ туманномъ воздухѣ гудитъ граната направленная съ одной вершины горы на другую.

Хозяинъ бивака, графъ Шуваловъ, встрѣчаемъ прибывшаго къ нему привѣтливо, радушно; онъ умѣетъ въ нѣсколь-

ко минутъ обворожить своимъ разговоромъ, обходительною манерой импонировать своимъ бодрымъ расположеніемъ духа. На видъ Шувалову лѣтъ сорокъ, онъ средняго роста, плотно и крѣпко сложенъ и кажется человѣкомъ видимо вовольнымъ суровою обстановкой бивачной жизни и не замѣчающимъ непривычныя лишенія, связаныя съ нею.

Генералъ Гурко, Спартанецъ по своей натурѣ, посѣщая время отъ времени наши позиціи на софійскомъ шоссе, каждый разъ шутя обращаясь къ графу Шувалову, говоритъ ему, что велитъ на дняхъ отдать въ парольномъ приказѣ распоряженіе о томъ, чторы построить Шувалову землянку или баракъ изъ досокъ и силой водворить туда хозяина. Но Шуваловъ хорошо понимаетъ значеніе, какое имѣетъ въ глазахъ солдата палатка командира поставленная на снѣгу рядомъ съ солдатскою и наравнѣ съ послѣднею лишенная всякихъ удобствъ. Онъ всячески заботится о солдатѣ, расходуя постоянно свои собственныя средства на него и на ежедневную по воз-

можности чарку водки для солдатъ. Въ своемъ отрядѣ пользуется онъ большою популярностью, доходящею у многихъ до обожанія и восторженныхъ отзывовъ, въ особенности послѣ дѣла у Горнаго Дубняка, гдѣ участвовала въ бою преимущественно 2-я гвардейская дивизія, начальникомъ которой состоитъ Шуваловъ.

Во время этаго дѣла графъ Шуваловъ большую часть дня провелъ объѣзжая цѣпь атакующихъ солдатъ и подъѣзжая къ турецкому редуту на 200 и 150 саженъ разстоянія; причемъ изъ семи сопровождавшихъ его офицеровъ только одинъ вернулся не раненымъ, остальные же кончили день на перевязочномъ пунктѣ. На софійскомъ шоссе, въ ущельи, графъ Шуваловъ обыкновенно выходитъ изъ своей палатки и ѣдитъ на позиціи въ сопровожденіи полковника Скалона, командира гвардіи сапернаго баталіона, и слѣдитъ за производствомъ земляныхъ работъ и укрѣпленій, или же самъ сопровождаетъ на позиціи пріѣзжающаго къ нему почти черезъ день генерала Гурко.

Очевидецъ засталъ графа Шувалова ѣдущимъ на линію нашихъ аванпостовъ по шоссе въ направленіи къ перевалу; за нимъ слѣдовали: Генералъ Эттенъ (командиръ 2-й бригады), полковникъ Бальцъ (исправляющій должность заболѣвшаго штаба полковника Паренцова), и трое казаковъ. Выѣзжаетъ часовъ около пяти вечера и двигается по ущелью мимо расположенныхъ у края дороги бивакамъ нѣсколькихъ батальоновъ войска составляющаго резервы нашихъ позицій противъ Арабъ—Конака. Одна колонна Павловскаго полка находится въ движеніи; она сворачиваетъ изъ ущелья на гору и медленно начинаетъ подъемъ, вступая на крутую тропинку.

— Здраствуйте, друзья! говоритъ имъ графъ Шуваловъ.

— Здравія желаемъ ваше сіятельство

— А водка была сегодня?

— Была; точно такъ; пили раздаются отвѣты. — Ну, идите себѣ съ Богомъ. А только если случится что онъ на васъ полѣзетъ, то знаете какъ его принять, по Павловски.

— Постараемся, ваше сіятельство.

— Ну Христосъ съ вами, прибавляетъ графъ Шуваловъ, подвигаясь далѣе по шоссе, загибающему все болѣе вправо, на подобіе колеса. Они минуютъ батарѣю изъ двухъ орудій, построенную у самой дороги съ цѣлью обстрѣливать вдоль часть ущелья; минуютъ еще нѣсколько группъ солдатъ и ѣдутъ далѣе, приблизительно съ версту не встрѣчая никого по дорогѣ. Изъ кустовъ внезапно поднимается чѣловѣкъ шесть солдатъ и молча выстраиваются, отдавая честь проѣзжающему начальнику. Графъ Шуваловъ также молча здоровывается съ ними. Эти солдаты находятся въ секретѣ; ихъ назначеніе быть спрятанными гдѣ-нибудь въ кустахъ или въ канавѣ неслышными и незамѣтными для непріятеля, наблюдать, сторожить по сторонамъ и доносить о всемъ видѣнномъ въ теченіи дня и ночи. Положеніе солдата въ секретѣ въ настоящую зимнюю пору очень тяжелое, такъ какъ разводить въ секретѣ костеръ строго запрещается и солдатъ принужденъ слѣдовательно лежать на

снѣгу, безъ огня, не имѣя возможности отогрѣвать заходящіеся ноги и руки.

— До какого мѣста доходили? спрашиваетъ графъ Шуваловъ.

— Вонъ до этой караулки доходили, говорятъ драгуны, указывая на домикъ, построенный не вдалекѣ впереди.

— Непріятеля видѣли?

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ поѣзжайте за мной, прибавляетъ Шуваловъ, подвигаясь далѣе по шоссе. Они проѣзжаютъ мимо караулки, у которой валяются на землѣ шесть труповъ турокъ, полузасыпанные снѣгомъ. Поварачиваютъ вправо и, отъѣхавъ съ полверсты, видятъ что шоссе начинаетъ подниматься нѣсколько въ гору, видятъ у самаго подъема еще караулку и шесть человѣческихъ фигуръ въ башлыкахъ у пылающаго костра: пятеро лежатъ на землѣ вокругъ огня; одинъ стоитъ, облокотившись на ружье. Это турецкій пикетъ, расположенный вѣроятно на самомъ перевалѣ Баба-Конакъ; дорога тутъ поднимается на пригорокъ, лежащій поперегъ ущелья, и за этимъ

пригоркомъ находится Арабъ-Конакъ и турецкія укрѣпленія, оберегающія перевалъ.

— Вотъ до этаго мѣста мы должны были доѣхать, обращается графъ Шуваловъ къ драгунамъ.

Стоятъ они еще минуты съ двѣ, въ которые графъ Шуваловъ смотритъ въ бинокль на Турокъ и на окружающія его высоты. Фигуры у костра, повидимому не замѣчаютъ этой группы и продолжаютъ лежать и грѣться, сохраняя прежнія позы. Мѣшкать долѣе не представлялось никакой надобности, графъ Шуваловъ поворачиваетъ своего коня назадъ и всѣ они скрываются за поворотомъ дороги, направляясь къ своему биваки.

— Завтра поѣдемъ въ Павловскую гору, говоритъ графъ Шуваловъ слѣзая съ коня у своей палатки.

Русскія позиціи противъ Арабъ-Конака сосредоточивались на двухъ высотахъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ горъ Московской и Павловской.

Турки, очистивъ Правицу, Этрополь и Орханіе, направили свое вниманіе

главнымъ образомъ на защиту перевaловъ черезъ Балканы и укрѣпились для этой цѣли въ Златицѣ, на горѣ Шандорникъ и на высотахъ у мѣстечка Арабъ-Конакъ на Софійскомъ шоссе. Русскія войска, въ свою очередь, занявъ Эгрополь и Орханіе, встрѣтились на перевалахъ Балканъ съ такими сильно укрѣпленными позиціями турокъ, что принуждены были ограничиться только занятіемъ высотъ насупротивъ турецкихъ, образовавъ съ своей стороны линію укрѣпленныхъ позицій по сю сторону Балканъ. Такъ, Русскіе заняли Златицкій перевалъ и окопались на немъ; противъ горы Шандорникъ образовали двѣ позиціи, извѣстныя подъ именемъ позицій генерала Рауха и генерала Дандевиля, наконецъ противъ Арабъ-Конака укрѣпились на горахъ, прозванныхъ Московскою и Павловскою по имени полковъ, первоначально занявшихъ эти двѣ позиціи. Находясь на упомянутыхъ высотахъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, русскія войска воздерживались отъ наступательныхъ дѣйствій, огра-

ничивались укрѣпленіемъ и охраненіемъ своей боевой линіи, а также артилле-рійскою перестрѣлкой въ ясные дни, когда туманъ не мѣшаетъ видѣть ту-рецкіе редуты и лагери.

Но самое занятіе позицій русскихъ въ Балканахъ, сопряжено было съ боль-шими трудностями, совершалось съ бою и сопровождалось огромною работой втя-гиванья орудій на крутыя высоты. Про-исходило трудное завладеніе Златицкимъ переваломъ, когда заняли позиціи и укрѣпились отряды Рауха и Давдевиля противъ горы Шандорника; Московскій полкъ въ свою очередь окрестилъ въ свое имя одну изъ горъ противъ Арабъ-Канака, мечемъ и кровью въ день 21-го Ноября. Произошло это, по разсказамъ очевидцевъ, слѣдующимъ образомъ.

По отступленіи Турокъ изъ Орханіе, 2 и 3 батальоны Московскаго полка дви-нулись по шоссе по пятамъ непріятеля, чтобы идти за нимъ доколѣ будетъ возможно. Командиръ Московскаго пол-ка, полковникъ Гриненбергъ, повернулъ на шоссе наудачу на одну изъ горъ

взобрался на нее, чтобъ окинуть оттуда взоромъ окрестность и избрать позицію противъ непріятеля. Взбирался онъ на гору въ туманѣ, но когда дошелъ до вершины ея, то туманъ разсѣялся и взору Гринненберга внезапно предсталъ Арабъ-Канакъ съ его укрѣпленіями, лежавшихъ внизу на разстояніи отъ насъ на какихъ нибудь 600 саженъ и командуемый съ высоты на которой стоялъ Гринненбергъ. Это было неожиданнымъ открытіемъ.

— Орудія, скорѣй сюда орудія! воскликнулъ начальникъ Московскаго полка и весь день 20-го и ночь съ 20-го на 21-е Ноября Турки поспѣшили сдѣлать обходное движеніе и укрѣпились на другой горѣ, приходившейся во флангъ Московской, такъ что на утро 21-го позиція Гринненберга очутилась между трехъ огней: спереди ея былъ непріятель, слѣва находился Арабъ-Канакъ а справа—Турки обошедшіе нашу позицію за ночь; словомъ, Московская гора какъ бы врѣзалась непріятеля сво-

имъ угломъ или, по выраженію солдатъ: „врылась въ него своимъ рыломъ

Гриннебергъ распорядился на скоро окопаться и нарыть нѣсколько ложементовъ на правомъ склонѣ своей горы противъ обошедшей его турецкой колонны и помѣстилъ въ этихъ ложементахъ 2-й батальонъ Московскаго полка, подъ предводительствомъ полковника Ляпунова. Къ двумъ батальонамъ Московскаго полка подошли еще 1-й и 4-й стрѣлковые батальоны. Въ 8 часовъ утра 21-го ноября, едва разсѣялся туманъ, Гриннебергъ приказалъ открыть огонь изъ 6-ти орудій по укрѣпленіемъ Арабъ-Конакъ и стрѣлялъ такъ удачно, что успѣла произвести въ турецкомъ редутѣ два взрыва.

III

Непріятель съ своей стороны направилъ изъ Арабъ-Конака 12 орудій на Московскую гору, нанося частымъ, артиллерійскимъ огнемъ значительный вредъ нашимъ и подбилъ у насъ одно орудіе. Между прочимъ, одною изъ турецкихъ гранатъ былъ убитъ молодой офицеръ, артиллеристъ Тиббольдъ. Падая на землю онъ воскликнулъ: — Боже, что со мной?

— Боже, что со мной?

Подбѣжавшій къ нему Фейверкеръ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ваше благородіе! Никакъ вы ранены?

— Убитъ! проговорилъ Тибольдъ, и это были послѣднія слова героя.

Еще шипитъ граната въ воздухѣ, летитъ и нашъ поручикъ Войницкій падаетъ, убитый наповалъ.

Летитъ и третій снарядъ, ударяетъ въ боковое дерево, разщепляетъ его въ щепы, разрывается сотнями осколковъ и валитъ еще нѣсколько витязей.

А канонада турокъ разыгрывается все сильнѣе, гудитъ она, звучитъ и грохочетъ до 10 часовъ утра.

Турки въ этотъ часъ кидаются въ аттаку. Три колоны ихъ двинулись на нашихъ героевъ.

Одна налетаетъ съ горы, занятой ими, ночью, прямо на ложементы 2-го батальона Московскаго полка; другая идетъ къ подошвѣ Московской горы, заходящей въ тылъ; третья изъ Арабъ-Канана набрасывается вверхъ на нашу батарею

— Завладѣемъ ею, думаетъ врагъ.

И какъ ошалѣлые, турки лѣзутъ на гору, испуская свой воинственный кликъ:

— Алла, Алла!

Наши силятся отбросить ихъ и защи-

тить свои орудія. Но ихъ мало: всего двѣ роты, а враговъ массы.

Воинственные клики турокъ раздаются все ближе и ближе. Вотъ турки уже недалеко отъ орудій, ихъ удальцы взбираются на брустверъ; наши артеллеристы хватаются уже за шашки... Наступаетъ страшная, послѣдняя минута, силы турокъ утроются, еще нѣсколько минутъ и наши русскіе должны быть въ ихъ рукахъ...

Но вдругъ раздается звучной, громовой голосъ.

— Разступись, артиллеристы!... Московцы идутъ!

Это грянулъ Гринненбергъ, собравшій оставшіеся въ резервѣ части 3-го батальона своего полка и кинувшійся во главѣ его съ обнаженной сабелей.

Раздается ружейный грохотъ.....

И пошла штыковая удалая работа. А кто можетъ устоять противъ нашего молодецкаго штыка?

Грудь съ грудью схватились противники. „Ура“! гремитъ въ воздухѣ дрожатъ его струи, и турки смяты, отбро-

шены, они бросаются внизъ къ самой подошвѣ высоты, оставляя на склонѣ своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Проходитъ часъ. Изъ Арабъ-Конака снова показываются турки. Они опять кидаются на нашу баттарею.

А отлично было бы завладѣть ею.

Но не басурманской рукѣ владѣть православнымъ орудіемъ.

Разсыпавшись въ кустахъ и за каменьями, Московцы встрѣчаютъ врага батальоннымъ огнемъ.

— Не горячись! не жги даромъ патронъ; ставь прицѣлъ на триста; теперь теперь на двѣсти, ставь полтораста!

Командуетъ Московцамъ Капитанъ де-Лаваль-Велкъ, расхаживая взадъ и впередъ по разсыпавшей цѣпи.

Но летитъ и жужжитъ вражья пуля, со свистомъ разсѣкая воздухъ. Вотъ она ударила въ лицо капитана, прошибла герою обѣ челюсти и задѣла языкъ.

Храбрецъ не теряется. Онъ, окровавленный идетъ отыскивать Гринненберга. Нашелъ Герой знаками проситъ у него бумаги и карандашъ Ему даютъ и онъ пишетъ.

„Ради Бога пошлите скорѣй офицера моей ротъ замѣнить меня....

IV.

А между тѣмъ на другомъ склонѣ горы идетъ другая работа. Турки въ тылъ заходятъ Московской горѣ.

1-й и 4-й стрѣлковые батаольны по русски встрѣчаютъ незванныхъ гостей, а 2-й батальонъ Московскаго полка начинаетъ обдавать ихъ огнемъ изъ своихъ ложементовъ.

Идетъ кровавый споръ. То турки успѣваютъ добираться до нашихъ ложементовъ, то наши, отбрасывая ихъ, выбиваютъ турокъ ихъ ближайшей траншеи и гонятъ ихъ въ гору. Но въ свою очередь, подавляемые числомъ, отступаютъ, и тогда турки, преслѣдуя ихъ накидываются мимоходомъ на нашихъ раненыхъ, оставшихся въ траншеяхъ и докалываютъ ихъ поспѣшно, снимая съ мертвыхъ всю одежду, все до послѣдней нитки и унося награбленное съ собой.

Настаетъ 3 часа дня: Аттака турокъ отбита на всѣхъ пунктахъ. Рѣже и рѣже становится перестрѣлка, а къ 7 часамъ вечера совсемъ умолкла. Оба противника остались на своихъ позиціяхъ, за исключеніемъ, говоритъ Кн. Шаховскій нѣсколькихъ траншей у подошвы горы, не занятыхъ ни нами, ни турками.

„ Между прочимъ въ этихъ траншеяхъ одинъ раненый въ бедро солдатикъ московскаго полка, притворившійся мертвымъ въ ту минуту когда турки вовремя боя, перейдя въ наступленіе, овла ѣли траншеями и начали прикалывать днеными. Турки, принявъ этаго раненыхъ въ самомъ дѣлѣ за мертваго, ограничились тѣмъ, что раздѣли его до нага унеся съ собой, что на немъ было и легонько ударили его прикладомъ ружья!

На другой день битвы когда наши полковые санитары осмѣлились дойти до траншей гдѣ между убитыми турками и русскими лежалъ и нашъ раненый солдатъ, между ними и санитарами завязался разговоръ:

— Ребята, крикнулъ онъ: подберите меня!

— А не турка ты? молвили санитары.

— Какой же я турка — я московскаго полка, ей Богу помереть на мѣстѣ, свой!

— А, ну-ка, перекрестись!

Раненый крестится.

— Это, пожалуй, и турка зачнетъ, говорятъ санитары, котится, обморочитъ, гляди, ты ему и повѣришь. Кто тебя голаго-то распознаетъ...

— Ей-Богу-свой, начальства моего спросите, Микалаемъ зовутъ.

— Ай подобрать? остонавливаются санитары кончаютъ тѣмъ, что подбираютъ.

Турки наступали на Московскую гору въ числѣ 20 табаровъ противъ 4 батальоновъ нашего войска, аттакой руководилъ лично Махмете-Али-паша, подъ которымъ были убиты четыре лошади, и онъ не имѣя по близости пятой, сѣлъ верхомъ на осла на которомъ и продолжалъ командовать.

Послѣ отбитой аттаки турки не возабновляли болѣе нападенія на Московскую гору, да и наши послѣ этой битвы не открывали огня по Арабъ-Канаку.

V.

Турецкій главнокомандующій употреблялъ всѣ усилія, чтобъ сохранить Арабъ-конакаскую позицію, такъ какъ съ потерею ея турки лишались второй и сильнѣйшей своей оборонительной линіи, балканской, подъ прикрытіемъ которой, Турція напрягала всѣ свои средства для организаціи обороны Румеліи.

Но по взятіи плевны дѣла быстро приняли иной оборотъ.

Такъ какъ фронтальная аттака на турецкую позицію на Арабъ-Конакѣ была если невозможно, но зато соединялась съ грамаднымъ рискомъ и потеряли; то по этому Генералъ Гурко прибылъ къ новому обходному движенію въ юго-западномъ направленіи. (*)

(*) Взято изъ Мос. Вѣд. 1-я № 323 ст. 2 Статья составлена на офиціальныхъ свѣденіяхъ.

Оставивъ отрядъ генерала Шувалова на софійскомъ шоссе лицамъ къ Арабъ-Конаку, а отряды генерала Дандевиля и принца Оденбурскаго въ прежнемъ положеніи противъ Шандорняка, генералъ Гурко остальныя войска раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ одну подъ начальствомъ генерала Рауха направилъ въ тылъ Арабъ-конака, а другая подъ начальствомъ генерала Вельяминова направлена была еще западнѣе, чтобы выходомъ на софійское шоссе обезпечилъ нашъ тылъ отъ наступленія 20 турецкихъ таборовъ занимавшихъ Софію.

13-го декабря началось движеніе отряда генерала Рауха отъ Этрополя и продолжалось шесть дней на разстояніи 12-15 какихъ нибудь верстъ.

Подъемъ былъ страшно трудепъ.

Во время этаго движенія разъѣздами нашими было замѣчано, что турки укрѣпили новую позицію на южномъ склонѣ перевала у селенія Ташкисенъ въ тылу Арабъ-Канака, вслѣдствіе его

14-го декабря по завершеніи перехода черезъ Балканы, Раухъ раздѣлилъ свой отрядъ на три части, изъ которыхъ одну *повелъ лично и занялъ на западѣ позицію* противъ селенія; другая подъ начальствомъ Курлова двинулась въ тылъ турецкой позиціи на перерѣзъ дороги къ Араба конаку, а третья подъ начальствомъ генерала Философова, осталась въ резервѣ.

Убѣдившись въ безполезности фронтальной атаки съ запада, генерала Рауха часть своего отряда двинулъ въ обходъ Ташкисена съ юга, а самъ вступилъ въ непосредственную связь съ колонной графа Шувалова. Такимъ образомъ Ташкинъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и защищавшіе о его турки, не вы*жидая нападенія, оставили свои позиціи* и отступили, но нестройными рядами, а въ разсыпную, кто куда попало.

Ближайшимъ послѣдствіемъ паденія той укрѣпленной позиціи турокъ было

и очищеніе ими Арабъ-Конакской позиціи. Такимъ образомъ былъ очищенъ весь перевалъ. Пользуясь темнотой, турки успѣли временно скрыть свое отступленіе прикрывъ его четырьмя таборами, которые на другой день и были переловленые по одиночкѣ.

20-го декабря началось преслѣдованіе непріятеля въ его-западномъ направленіи, увѣнчавшееся занятіемъ ихъ позиціи, на которую они было отступили съ Арабъ-Конака; а 21-го числа отрядами генераловъ Дандевиля и Борха была занята Златица изъ которой. турки отступили къ востоку.

Одновременно съ преслѣдованіемъ бѣгущаго врага, колонна генерала Рауха, соединившись съ колоной Вельяминова, которую теперь велъ лично самъ генералъ Гурко, двинулась къ Софіи.

Вскорѣ, въ 8 верстахъ отъ Софіи при р. Искерѣ за обладаніе мостомъ, который было хотѣли разрушить турки, произошло крававое столкновеніе межу ними

и нашими; Преображенцы рѣшили дѣло. Они по льду перешли рѣку, съ намѣреніемъ броситься въ тылъ турламъ.

Пораженыя такими геройскими и искусно выполненными маршами, турки уже не смѣли думать о защитѣ Софіи, и произведя по обыкновенію рядъ безчинствъ надъ городомъ, бѣжали къ юго-западу бросивъ, въ Софіи тысячи больныхъ и раненыхъ, а 23-го наши войска вступили въ городъ съ музыкой, пѣснями и съ распушеными знаменами.

И вотъ прекрасная Софія, не видавшая въ 1434. христіанского войноства, только въ первые увидала въ концѣ 1877 ода.....

„О, русскіе витязи: вожди и прелводимые, великъ вашъ трудъ, геройски отваженъ вашъ подвигъ!

„Что остановитъ васъ въ своемъ движеніи ни рѣки глубокія, ни горы великія, ни пули вражескія не въ состояніи преградить богатырскій вашъ путь. Пре

одолѣваете вы наши русскіе орлы все: и врага сильнаго, и непогодушку злющую и природу для другихъ неодолимую.

„Я вижу васъ витязей могучихъ и въ палящихъ степяхъ Азіи, гдѣ какъ горы вздымаются пески сыпучіе, гдѣ нѣтъ ни рѣчки, ни источника, а царитъ полная безводица.

„*Но что вамъ въ этомъ задѣло?*

„Наказалъ вамъ, витязямъ, нашъ великій Царь Батюшка, пройдти эти степи сыпучія и не страшны вамъ и безводица, ни широкая степь голодная. И летите вы орлами по ней, бьете смѣло басурманина.

„Вижу васъ и въ горахъ высокихъ, что зовутся ли Балканами, гдѣ засѣли злые масульманяне. Съ верху бьетъ-то ли погодушка, морозъ лютый всю природу лединитъ.

„А и вамъ, русскимъ соколамъ, въ этомъ дѣла нѣтъ.

— „Ну пускай, мыслитъ нашъ богатырь, бьетъ сѣчетъ меня дождикъ частенькій, пройду горы я высокія, тамъ въ долинахъ и повысушусь.

— А не страшенъ мнѣ и морозъ скрицучій, не боюсь я стужи горной да студеной; какъ по выбью я врага изъ горъ ли то высокихъ, оберу тамъ города и у теплой ли то печенкѣ я поотогрѣюсь.

— „ Ахъ ты, гой еси, нашъ великій Государь! стою грудью за твое ли дѣло святое, на очахъ твоихъ готовъ я битися хоть съ какой ли то преградушкой, хоть съ какимъ ли врагомъ ильнымъ. Не устанутъ мои рученьки, не пристанутъ мои ноженьки, вѣдь я чую въ себѣ силу богатырскую, что дана ли была мужичку Ильѣ Муромцу, отъ него ли мерешла она мнѣ по наслѣдьицу.

„Какъ не биться мнѣ съ погодушкой, какъ не драться съ басурманомъ, какъ мнѣ чуятъ слабосиліе, когда въ бой иду за вѣру правую, за Христа моего ли Господа, за славянство православное, за Россію матушку?

„ И идутъ орлы все впередъ и впе-

редъ. Какъ желѣзная стѣна напираетъ на врага;—и трепещетъ и блѣднѣетъ онъ, бѣжитъ отъ богатыря за рѣки синія, горы высокія, твердыни крѣпкія. Но ни что не спасаетъ его, и измученный рагъ падаетъ къ ногамъ витязя.

КОНЕЦЪ.

Продаются

у

Издателя Книгопродавца

П. Н. ШАРАПОВА.

у Ильинскихъ воротъ въ домѣ Купеческаго Банка.

въ Москвѣ.